

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ВОРИШКА МАРТИН

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding

PINCER MARTIN

Перевод с английского *A. Круглова*

Серийное оформление *E. Ферез*

Голдинг, Уильям.

Г60 Воришка Мартин : [роман] / Уильям Голдинг ;
[пер. с англ. А.Н. Круглова]. — Москва : Издательство ACT, 2016. — 224 с.

ISBN 978-5-17-100289-3

Лейтенант потерпевшего крушение торпедоносца по имени Кристофер Мартин прилагает титанические усилия, чтобы взобраться на неприступный утес и затем выжить на голом клочке суши. В его сознании всплывают сцены из разных периодов жизни, жалкой, подленькой, — жизни, которой больше подошло бы слово «выживание».

Голдинг говорил, что его роман — притча о человеке, который лишился сначала всего, к чему так стремился, а потом «актом свободной воли принял вызов своего Бога» и вступил с ним в соперничество. «Таков обычный человек: мучимый и мучающий других, ведущий в одиночку мужественную битву против Бога».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100289-3

© William Golding, 1956
© Перевод. А. Круглов, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

1

Он отбивался руками и ногами, сжавшись внутри извивающегося тела. Не было ни верха, ни низа, ни воздуха, ни света. Рот раскрылся в беззвучном крике:

— Помо...

Из глотки вырвался воздух, на его место хлынула вода, обжигающая, режущая, как обломки гранита. Тело устремилось вслед за воздухом, встретив лишь удущливую бурлящую тьму. Мозг затопила паника, в разинутый до боли рот безжалостно вторгалась соленая стихия, с силой прорываясь внутрь. Вместе с водой проникло и немного воздуха — новый рывок... но волна подхватила тело и завертела, не дав угадать направление. В ушах стоял рев турбин, перед глазами, как трассирующие пули, мелькали зеленые искры, в голове стучали тяжелые поршни, заставляя весь мир содрогаться. Леденящая маска внезапно облепила лицо, челюсти жадно задвигались — воздух! Перемешанный

с водой, он наполнял тело, царапая легкие, как острый гравий. Мышцы, нервы, измученные легкие и поршневая машина в голове на миг заработали по-старому. Твердый соленый комок выплеснулся из глотки, губы сомкнулись и разомкнулись, язык шевельнулся во рту. В мозгу вспыхнула ослепительная неоновая полоса.

— Спа...

Затаившись в центре всей этой суэты, отделенный от собственного тела, человек не обращал внимания на мельтешение зеленых вспышек. Будь он в состоянии управлять лицом... нет, будь на свете лицо, способное отразить ощущения человека, подвешенного между жизнью и смертью, оно ощерилось бы в злобном оскале, в то время как настоящий рот, далекий и широко разинутый в судороге, был заполнен водой. Неоновый трассирующий след вращался, расплываясь в широкий диск. Тело судорожно изрыгало воду и захлебывалось ею вновь, но жесткие комки уже не причиняли боли — ощерившееся живое существо смотрело со стороны. Лица не было, был оскал.

Мелькающие пятна слились в картинку. Он взгляделся. Такого ему не приходилось видеть уже много лет, и оскал слегка смягчился, тронутый любопытством. Стол, на нем банка из-под джема, ярко освещенная — то ли огромная, в центре сцены, то ли маленькая, перед самыми глазами. Изолированный мирок, которым тем

не менее можно управлять со стороны. Прозрачная вода почти до краев, и в ней крошечная стеклянная фигурка, стоящая вертикально. Вместо крышки натянута тонкая пленка из белой резины. Он с интересом рассматривал банку, далекое тело перестало метаться и успокоилось.

Самым любопытным было тонкое равновесие сил, под действием которых находилась подвешенная фигурка. Тронь пальцем пленку, и сжавшийся воздух сильнее надавит на воду. Столбик воды чуть подымется в тонкой трубочке, торчащей из стеклянного тела, и игрушечный человечек станет тяжелее. Он полностью в твоей власти, под твоим пальцем. Скажешь тихонько: «Тони!» — и он опустится ниже, ниже, до самого дна. Можно пожалеть его, ослабить давление, дать побарабхаться на поверхности, глотнуть воздуха, а затем снова утопить — медленно, беспощадно, навсегда.

По существу, плавающая фигурка ничем не отличалась от тела, барахтавшегося в воде. Вверх или вниз — то же самое опасное равновесие. Оскол без лица не произносил слов, осознание пришло в виде яркой вспышки.

Спасательный пояс!

Резиновый мешок опоясывал тело под мышками, тесемки обивали плечи и застегивались на груди под бушлатом и клеенчатым плащом — теперь их давление даже чувствовалось

лось. Пояс, как и предписывалось, был почти полностью сдут, чтобы не лопнуть при ударе о воду.

«Отплыть подальше от корабля, потом надуть пояс».

Вслед за осознанием хлынул поток образов: лакированная доска с вывешенными инструкциями, вид спасательного пояса с трубкой и металлическим наконечником. Внезапно человек понял, кто он и где находится. Тело болталось в воде, подвешенное наподобие стеклянной фигурки. Безвольно обмякшее, оно уже не барахталось. Через голову одна за другой перекатывались волны.

Рот захлестнуло водой, дыхание прервалось. Зеленые вспышки вновь прочертили тьму. Что-то тянуло вниз. Оскол вернулся, а с ним картинка: тяжелые морские сапоги. Ноги зазерзали, пытаясь освободиться, но безуспешно. Оставались еще руки, далекие, но пригодные для дела. Он закрыл рот и, скорчившись в воде, занялся опасной акробатикой. Снова замелькали неоновые трассы, глухо колотилось сердце — единственная точка опоры в бесформенном хаосе. Он подтянул ногу кверху, из последних сил дернул непослушными руками сапог, стряхнул его. Резиновое голенище скользнуло по ступне, тяжесть исчезла. Теперь другой. Наконец тело распрямилось и снова повисло, расслабленно качаясь на волнах.

Рот размеренно открывался и закрывался, глотая воздух и не пропуская воду. Тело тоже работало исправно, время от времени сжимая желудок в тугой узел и выталкивая наружу по языку поток морской воды. Животная паника прошла, но появился страх перед смертью, долгой и одинокой. Оскал теперь обрел лицо и воздух для тела, самим своим присутствием не позволяя тратить драгоценное дыхание на звуки. Была и некая цель, но пока не хватало ни времени, ни опыта, чтобы осознать ее важность и неколебимость.

Обычная схема дыхания не работала, вдыхать приходилось в промежутках между погружениями. Думать удавалось тоже урывками, одновременно с порциями воздуха. Опять вспомнились руки, которые оказались где-то далеко, в темноте. Подтянувшись ближе, они стали шарить по жесткой поверхности плаща. Одолевая боль, негнущиеся пальцы расстегнули пуговицу и скинули петлю с деревянной застежки. Океан безразлично покачивал тело, словно стеклянного человечка или подтопленное бревно. Волна, глоток воздуха. Еще волна, еще глоток.

Руки вытянули трубку, ощущая дряблую сдувшую резину, почти не державшую тело на плаву. Зубы сжали наконечник, два пальца принялись его откручивать, остальные зажимали трубку. Крошечная порция воздуха, от-

воеванная у волн, досталась не изголодавшимся легким, а резиновому мешку. Еще, и еще... Сердце трепыхалось в груди, как подстреленное, зеленые пунктиры мелькали и вращались. Пояс становился тверже, но так медленно, что момент спасительной перемены оказалось невозможno уловить. Волны уже перекатывались через плечи, регулярные погружения с головой сменились брызгами и мокрыми шлепками в лицо, воздух больше не приходилось добывать с боем. Наконец пояс надулся, охватив грудь плотным кольцом и растягивая одежду. Однако человек еще некоторое время играл с воздухом, выпуская немного наружу и снова вдувая в трубку, словно боялся прекратить единственное доступное пока спасительное действие. Голова и плечи теперь надолго высовывались из воды и мерзли сильнее, чем все остальное тело. Закоченевшее на ветру тело охватила дрожь.

Рот оторвался от трубки.

— Эй! На помощь!

Воздух с шипением вырвался из металлического наконечника, пришлось немало потрудиться, чтобы завинтить его. Тьма стояла неопределимой завесой, не давая разглядеть даже руку, поднесенную к лицу. Страх смерти в одиночестве дополнился ужасом перед слепотой. Тело забарахталось, неловко загребая руками.

— Помогите! Эй, кто-нибудь! На помощь!

Вокруг — лишь шорох и плеск набегавших волн. Тело обмякло, голова бессильно свесилась, соленая вода омывала дрожащие губы.

Важно сохранять движение.

Он принял слабо перебирать ногами, еле слышно бормоча:

— И зачем только я скинул сапоги, стало ничуть не лучше... — Голова снова упала на грудь. — Холодно... Только бы не переохладиться. Будь на мне сапоги, я бы их снял, потом надел, потом опять снял...

Перед глазами возник корабль, опускающийся ко дну, до которого здесь, наверное, не меньше мили. Тело судорожно сжалось, будто сдавленное невероятной толщей воды. Зубы сомкнулись с дробным стуком, лицо болезненно скривилось. Ноги инстинктивно подобрались, спасаясь от зыбкой вязкой бездны.

— Помогите!

Руки задвигались, разворачивая тело, но насколько это удалось, судить было трудно. Всюду темнота, сплошная, непроглядная. Ни тонущего судна, ни обломков, ни других уцелевших — одна лишь черная стена, подступившая вплотную к глазам, и в ней ровный плеск воды.

— Нат! Натаниэль! Бога ради! Есть тут кто живой?

Голос замер, судорожная гримаса разгладилась.

Тело безвольно обвисло на спасательном поясе, отдавшись во власть набегавших волн. Зубы вновь застучали, дрожь накатывала приступами. Ноги едва чувствовали холод, безжалостно зажатые в тиски водой, которая стремилась раздавить, расплющить их. Ноющие руки не находили себе места. Внезапная боль пронзила затылок, не давая поднять голову. Нос со всхлипом втянул воду, она хлынула в глотку, вызвав новый приступ рвоты. Кулаки, втиснутые между спасательным поясом и подбородком, принесли облегчение, но ненадолго. Руки ушли вниз, лицо снова погрузилось в воду. Превозмогая боль, человек с усилием запрокинул голову, уставив закрытые глаза в невидимое небо. Ноги уже не так сдавливало — окаменевшая плоть, казалось, потеряла всякую чувствительность, однако те части тела, которые море еще не полностью подчинило, продолжали судорожно трястись. Вечность срослась с болью и подступила совсем близко, ощутимо. Оскол оставил на месте, мысли продолжали приходить, бессвязные, неповоротливые, но жизненно важные.

Скоро наступит рассвет.

Двигаться, иначе не заметят.

Скоро рассвет, станет видно обломки.

Я не умру.

Я не могу умереть.

Только не я... не может быть...

Он отчаянно рванулся вверх, задыхаясь и отплевываясь.

— Помогите! Эй, кто-нибудь, на помощь!

Тело приподнялось на волне и плавно опустилось.

Окажись я внизу, добрался бы до шлюпки или плота. Не повезло, проклятая вахта... смыло к чертям, прямо с мостика. Рулевой должен был взять вправо, если услышал приказ. Корабль затонул или перевернулся, теперь все барахтаются где-то там, в темноте, подбадривают друг друга, головы торчат из воды среди остатков кораблекрушения и пятен мазута. Когда рассветет, я найду их, найду, черт побери, иначе всех подберут, а я останусь болтаться вверх-вниз, как дурацкая подвесная койка... Проклятие!

— Эй! На помощь! Натаниэль!

Все было сделано правильно. Отдай я команду десятью секундами раньше, ходил бы в героях... Право руля, мать вашу!

Влепили под самый мостик... Я отдал верный приказ — и полетел за борт, вот невезуха!

Оскол напрягся, заворочал одеревеневшим лицом, верхняя губа приподнялась, обнажив стучащие зубы. Однако вспыхнувший гнев вернул малую толику тепла, кровь приливалася к щекам, ожившие веки раскрылись.

Тело снова забарахталось, расплескивая воду, взгляд устремился вверх. В непроглядной темноте что-то изменилось, появились какие-

то пятна и разводы, они стояли прямо перед глазами, давили, как сама тьма. Скорчившись внутри черепа, он стал вглядываться из-под надбровных дуг, возвращая власть над зрением и неясно угадывая очертания островков мутного света и тумана. Глаза моргали и шурились, но расплывчатые формы оставались снаружи. Наклонив голову, удалось различить движущиеся гребешки волн. Их изрезанная линия, едва заметная, как остаточное изображение на сетчатке глаза, на миг показалась на фоне неба, но тут же исчезла за черным брюхом следующей волны, подхватившей тело. Светлые пятна рук тускло мерцали, отталкиваясь от воды, ноги стряхивали свинцовое оцепенение. В голове вновь замелькали мысли.

Мы шли на северо-восток. Я отдал команду. Если корабль начал разворот, он должен быть где-то к востоку. Ветер дул с запада, значит, восток там, куда катятся валы.

Барахтанье тела стало яростнее, дыхание участилось. Подвешенный на спасательном поясе, он поплыл неуклюжим брассом, затем остановился, качаясь на волнах. Стиснув зубы, отвинтил колпачок и выпустил часть воздуха, чтобы погрузиться глубже, и вновь поплыл, с трудом переводя дыхание и до боли вглядываясь в спины убегавших к востоку валов. Постепенно движения замедлились, руки бессильно упали, но сознание, затаившееся в темной

глубине черепа, продолжало отдавать команды еще долго после того, как тело неподвижно обвисло в воде.

Небо приобретало более четкие очертания, сумрачно-серые тона разбавляли тьму, на поверхности моря обозначились отдельные бугры и впадины. Мозг все еще пытался заставить кости двигаться, но его наводнили картины: они мешали, заслоняли собой неотступную необходимость плыть на восток. Перед глазами снова возникла стеклянная банка, но теперь она ничего не значила. Отражение чьей-то белозубой улыбки в полированной крышке стола, короткий обмен фразами. Вереница масок, вывешенных на просушку...

Спокойный голос из-за зубов, отраженных гладкой поверхностью: «Какая, вы думаете, подойдет Кристоферу?»

Крышка нактоуза с тусклой подсветкой компаса и крик, повисший между небом и землей в неоновых вспышках: «Право руля, мать вашу!»

Вода плеснула в рот, толчком пробудив сознание. Из глотки вырвался болезненный хрип. Серо-зеленый рассвет неумолимо надвигался. Над гигантскими валами, такими теперь привычными, поднимался пар. С высоты гребня в мутной дымке были видны еще две таких же громадных волны, а дальше — лишь круговая завеса то ли тумана, то ли моросящего дождя.

Руки вновь работали, голова поворачивалась вслед за телом, глаза всматривались, пытаясь определить направление волн. Последний источник тепла, упрятанный глубоко внутри, захлебывался и угасал, как едва тлеющий огонек костра среди сырых дров.

Не хочу умирать! Нет!

Из плотного тумана появлялась волна, нависала над головой, поднимая тело ввысь, потом опускала, уходила прочь, и с высоты следующего вала было видно, как она тает в серо-зеленой мороси. Подъем, спуск — и новый гребень зловеще вздымался над головой.

Бледные ладони молотили по воде, рот сипал проклятиями, но звуки терялись в мерном шорохе бегущих валов. Тело висело в спасательном круге, холод обшаривал его ледяными пальцами. Голова упала на грудь, лицо вялым нескончаемым потоком омывала соленая вода.

Думай, это последняя возможность. Думай, что делать.

Середина Атлантики, до ближайшей земли сотни миль. Одинокий корабль послали к северо-востоку от конвоя — подать сигнал, нарушить радиомолчание. Немецкая подлодка, должно быть, рыщет неподалеку от затонувшего судна, чтобы допросить уцелевших, или поджидает возможных спасателей. Вот-вот из воды покажется ее тяжелый корпус, словно скала, обнажившаяся с отливом. Перископ рассчитет

воду — глаз земной твари, сумевшей нарушить вечный ритм катящихся волн. Может, как раз в эту минуту ее акулья тень скользит там внизу, под одеревеневшими ногами, или покоится на ложе из соленой воды, пока команда отдыхает. А уцелевшие — на плоту, вельботе, шлюпке или просто на бревне, — наверное, они совсем рядом, скрытые туманом и соседним гребнем... с запасом тушенки, а может, и глоточком чего-нибудь покрепче.

Он снова стал поворачиваться в воде, подслеповато щурясь в липком тумане. Небо висело над головой, как низкий потолок. Вокруг ничего — ни обломков, ни человеческих голов. Корабль исчез бесследно, казалось, чья-то рука дотянулась до него и уволокла на милю вниз, на самое дно. На целую милю... Тело вновь отчаянно забарахталось, лицо исказила гримаса.

— Помогите! Эй, вы! Гады, сволочи, мать вашу... Эй!

Тело сотрясалось в рыданиях, холод стискивал его, как та рука, что уволокла корабль. Рыдания утихли, сменившись икотой. Голова снова завертелась в серо-зеленой дымке, шаря глазами по сторонам.

Одна сторона круговой завесы была светлее, — и туда катились валы, исчезая чуть левее источника света. Слой тумана, залитый сиянием, был так же непроницаем, как и хмаря за спиной, но притягивал к себе, разрывая